

Илья Шумилов

Рассказы из прошлого

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Ш96

Шумилов И.

Рассказы из прошлого / Шумилов И. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 77 с.

ISBN 978-5-532-93401-6

От безысходности до безумия, от реальности до помешательства, от сложных судеб до трагичных исходов. На страницах сборника раскрываются чувства героев различных историй, искаженные под призмой человеческого сознания. Люди способны по-разному реагировать на окружающую их действительность: кто-то переходит в новую грань, а кто-то стоит на грани. Так или иначе, в каждом рассказе выделена особая острая грань, определяющая дальнейшее развитие событий. Сборник состоит из восьми не связанных по смыслу и содержанию рассказов.

Содержание

Я съел деда	4
Что я чувствую	13
Проклятие Марии Келлер	17
Чарли	26
Заказ	40
Есть только миг	42
Миг последний	42
Миг первый	43
Миг беззаботный	46
Миг тревожный	48
Миг безумный	50
Миг разрушительный	52
Миг изломанный	57
Эпилог	59
Путь	61
Подарок	66

Я съел деда

Петя сидел на скамье возле дома и смотрел на заходящее в поле багряное солнце. Он ежедневно провожал каждый закат осознавая, что таких встреч осталось ему еще не очень много, ведь с каждым днем он все отчетливее ощущал закат собственной жизни.

Виной всему болезнь, в последнее время все активнее прогрессирующая в его организме. Лечения от нее не было, да если и бы и было, что могли дать ему здесь в забытом уголке мира – глухой деревушке с одной поликлиникой на весь район? Бездарные врачи лишь выпячивали глаза и словно цитировали замусоленный медицинский справочник с его полки: «Это синдром Вернера. Профилактика заболевания не разработана».

К несчастью, он и сам это понимал в свои двадцать два, а потому принимал как должное, что с каждым днем его организм стареет чуть ли не на год. Состояние юноши лишь усугублялось, но по врачам больше не ходил, боялся помимо известного диагноза по превращению в старика услышать, что на фоне болезни у него развивается раковая опухоль, узнать какие-либо прогнозы. Добился копеечной пенсии – и хватит с них. Как бы не звучало это ужасно, принять неизбежные последствия он смог.

Условия жизни были также не самыми лучшими. Жил он в деревенском доме со своим родным дедом. Дед уже в глубокой старости, но до чего же склочный, ворчливый. Вроде одинок, кроме внука никого нет, радоваться должен, что хоть одна родная душа с ним вместе находится в четырех стенах, но это было не про него. Бабушка Петра умерла когда еще его на свете не было от онкологии, сгорела как спичка. Матери он тоже почти не видал – передоз случился, когда ему было семь лет. Так и жили они вдвоем. По крайней мере внуку деваться было некуда, опекуном был дед.

В детстве, помимо уроков в классе из трех человек видел только свинарник. «Стареть» начал в пятнадцать, получил инвалидность в восемнадцать. Какая-либо социальная жизнь закончилась с окон-

чанием девятого класса, если можно было сказать, что она вообще начиналась.

Другие немногие дружили с ним неохотно – вечно чумазый, черти-пойми во что одетый, странный, забитый. И покоя не имел нигде. В школе дети за метр обходили, выдерживали дистанцию и чудо-педагоги поселкового разлива – копошиться в ребенке не хотели, или не умели. А может и не могли.

А проблема в доме сиднем засела, выросла в каждую часть Петин души, попрекала, душила. С проявлением болезни – еще глубже. Попади он в детский дом – право было бы лучше, но зачем-то вцепился в него дед, не отпустил. Тогда еще умудрялся работать, хозяйство держал. Всю жизнь это были свиньи. Много их одно время было, сбывал. В рацион же их входила свинина на постоянной основе. Их выращивали – их и ели. Привыкли уже. Да и Пете деваться особо некуда было.

И все равно все могло бы быть так как нужно, не будь старик сам свиньей. Ни за что отыгрывался на ранимой невинной душонке. За свою жизнь, свои ошибки, за бесцельно прожитое.

Со своими мыслями, в очередной раз проводив закат, Петя вошел в дом. Ремонта он, наверное, никогда не видел: старые наполовину отваливающиеся обои, черный грибок по углам, дощатые полы с полуоблезшей краской, кое-какая дожившая советская мебель, окна с деревянными рамами. Удобства на улице, вода – в колонке. Из коммуникаций – свет и газ. В холодное время дом отапливался от печки с горелкой, но всегда плохо и неравномерно.

– Жрать иди, там готово, – прозвучал голос из зала, смешанный с разбирательствами измен из телевизора.

– Не хочу, – сухо ответил Петя.

– Не хочешь, как хочешь. Не собираюсь с тобой сюсюкаться.

– А я тебя и не прошу, и не просил никогда. Оставь меня в покое уже.

– Меня бы кто оставил в покое. Всю жизнь чьи-то задницы подтираю, мне уже восьмой десяток, мне хрен кто подотрет, – переходя на крик продолжал вещать старик из кресла.

– Идиот, – тихо ответил Петя и прошел в свою спальню.

Там у него все просто – кровать, письменный стол с выдвижными ящиками, обклеенный наклейками из пачек со жвачками, окно с занавеской, книжки.

Петя лег на кровать и погрузился в себя под бубнеж ведущего с «Первого» и фырчание деда. Идеальный для него досуг: под передачи центрального телевидения сам гниль источает и чужой с экрана подпитывается.

Мысли приходили разные. Сегодня снова вспомнил маму. Нет, не ту – наркоманку, ее он почти не знал. Его настоящая мама проносила в голове цветными полароидными снимками, фрагментами, оборванными воспоминаниями: как целовала, как по голове гладила, как спать укладывала. Такую и помнил. Под незримые поглаживания такой иногда и засыпал.

Проснулся парень в начале седьмого. Дед встает где-то в восемь. До его пробуждения Петя успевает умыться и позавтракать, накормить свиней, уход за которыми теперь был исключительно его обязанностью. Их осталось двое: боров Харе и молодая свинка Кришна. Недавно было больше, остальных забили, теперь ждали поросят.

В это утро все было без нарушения устоявшегося графика. В начале десятого в окно постучалась почтальонка, принесла деду пенсию. К обеду Петя разогрел вчерашние макароны, позвал деда к столу, а сам отправился убирать хлев. Вместе они обычно не ели, потому что хорошего это никогда не сулило – его мерзкий чавкающий вид терпеть было невыносимо.

Спустя минут десять уборки в хлев вошел дед.

– Ты сжег макароны, балбес, – прозвучало с самой калитки.

– Я выключил их вовремя. Вероятно, ты сам их вчера пережог, когда готовил.

– Ну конечно, я же маразмат, я же ничего уже не понимаю. Тварь ты неблагодарная! Я еле ноги перебираю и все ради чего? Чтобы на твою постную рожу любоваться изо дня в день?

– Я болею. Мне не до твоих склоков. Если тебе есть что сказать – говори, или не мешай мне убираться, – спокойно ответил Петя.

– Жрать нечего, вот что пришел. Забивай свинью, – дед сделал паузу, словно забыл что хотел сказать, – и не затыкай меня. Можно подумать я не болею.

– Она на сносях, кого я забью? Ты в своем уме? Давай купим мяса, пенсию же принесли.

– Ты на свою пенсию смотри, сволоченыш. Мне виднее что делать – мое хозяйство.

– Ах, ну раз это твое хозяйство, бери – и забивай, бери – и убирай, только отвали от меня.

Петя схватил в руки пистолет для убоя скота, подошел ближе и протянул его старику.

– Неблагодарный... Ох неблагодарный!

– А за что, за что мне быть благодарным? За твою ненависть ко всему? За что? За то, что живу у тебя? За то, что вечно попрекаем во всех грехах? Ты чего добиваешься, чего хочешь? Сколько можно уже ворчать? Разве я твою щедедушную жизнь испортил? Я тебе спокойно жить не даю? Ты меня оставил в качестве чего, груши для битья? Я подыхаю, с каждым днем открываю глаза и чувствую, как же мне плохо. И плохо не от своих болячек. Мне плохо от тебя, от твоей моральной тирании. Ты на себя бы посмотрел. Почему от меня пол села шарахается, как от прокаженного? – Ты постарался. Что ты плел другим? – От плохой суки плохой щенок? Так вот ты ту суку породил, хренов моралист. Была бы возможность – давно бы ушел. Жить ты мне спокойно не давал, так дай мне спокойно сдохнуть тут.

– Сдохнешь, сдохнешь, – проворчал дед, – вот как мать твоя потаскушка и загнешься.

– Заткнись, – закричал Петя.

– Тащил эту мразь на своих плечах. Не дочь – а уродка. Терлась по углам, у каждого столба сношалась да ширялась.

– Заткнись! Замолчи! – звучал неистовый вой в трясучке.

– Тебя выродила, подонка, на мою седую голову, такую же скотину, подобную себе.

– Заткнись! Мразь! Закрой поганный рот!

Рука сама поднялась вверх. Рука сама приставила дуло пистолета ко лбу. Зажмурился. Спустил курок.

Когда открыл глаза, тело деда с отверстием в голове лежало посреди хлева, истекавшее тонкой струйкой алой крови прямо на дерьмо. От увиденного желудок парня вывернуло. В беспамятстве он вышел из хлева заперев за собой калитку.

Закрылся в доме.

Что теперь делать? Он метался по комнатам взад-вперед, он бился в трясучке. Счет времени был потерян, реальность плыла перед глазами. Спустя пару минут, а может и пару часов, он потерял сознание на засаленном ковре в зале.

Вокруг темно. Петя медленно поднялся с ковра. Голова трещала по швам, желудок выл, а зрение никак не позволяло сфокусироваться на предметах. Наконец, на электронных часах он разглядел крупные зеленые цифры – 04:12.

– Твою ма-ать..., – сильным голосом произнес он в пустоту.

Включив свет он осторожно прошел в комнату к деду. Никого нет. Собравшись с силами, Петя накинул на себя фуфайку и вышел во двор. Еще несколько минут он не решался войти в хлев. Наконец, медленно подойдя к калитке и отодвинув засов, на стене он нащупал выключатель.

Его охватил страх и ужас. На полу лежало тело с начисто выеденным лицом, обгрызанной шеей и по локти сожранными руками. Одежда в этих местах была в клочья разорвана. Кровавое месиво устилало весь хлев. Свиньи рядом довольно хрюкали.

Петя сел на хлипкий табурет стоящий в углу и просто не верил в то, что видел перед собой.

Как выходить из ситуации? Что теперь делать? – Только эти вопросы звучали в его голове. Сожалеет ли он о произошедшем? – Конечно нет. Дряхлая тварь. Он заслуживал своей участи, за всю травлю, за все слова и действия, за все свое отношение. Он не имел никакого права на все это. Он – не человек, он – скотина.

Последняя мысль пришла к Петру по душе.

Метнув безумный взгляд на объединенное свиньями тело, он встал и отправился в сарай. Вернувшись с пластиковым ведром, в котором лежали топор и нож для разделки, он расстегнул всю одежду

на трупе и приступил к разделке. Срезал куски мяса и расправлялся так, как не раз делал это с тушами свиней.

– Хилый боров. Немного с тебя проку. И все равно я тебя сожру, как скотину.

Уже светало. Рубленое мясо свалил в кормушку. Теперь свиньи долго будут сыты. Всю грязь с пола собрал совковой лопатой и свалил в выгребную яму. Размазал все по хлеву. Да и черт с ним, затрется. Несколько кусков мяса отнес в морозилку.

Теперь он один, не только в доме – во всем мире. Родных нет, соседи обходили стороной, спасибо имиджу деда, ведь как подонки он вел себя не только дома. Друзья никогда и не появлялись – одноклассники всегда сторонились чушку Петю, и уж тем более тогда, когда его лицо стали обезображивать морщины, а пальцы рук подагра. В сложившейся ситуации все-таки это играло на руку – никому дела до них не было.

Несколько дней Петя жил в том же привычном ему темпе. Все также ухаживал за свиньями. Они, к слову, свою работу выполнили великолепно. В хлеву не осталось ни следа от бывших событий.

Макароны «по-флотски», также к слову, были не очень аппетитными, но по вкусу не отличались от свинины. Но ел их Петя охотно, с остервенением.

Днями сидел в доме со старым телевизором, который не особо то и смотрел. Тот балаболил в комнате как сумасшедший дед – не заткнешь и никуда от его взгляда и ворчания не денешься. Но Петя был даже рад этому. Пусть ворчит. В тишине становилось слышно себя, а так становилось еще хуже.

По вечерам он провожал закаты. Все более на деревню спускалась осенняя прохлада. Мир замирал.

Болезнь же брала свое, состояние и самочувствие ухудшались. Временами становилось тяжело дышать, суставы гнулись все медленнее с более изнурительной болью, волосы и зубы редели.

На вторую неделю к общему недомоганию добавились мучительные кошмары. Словно вперемешку с реальностью, сквозь сон он слышал шаркающие звуки тяжелых тапок, кашель, бубнение. Которую ночь словно наяву он видел в дверном проеме комнаты едва раз-

личимый силуэт ненавистного ему деда, на лице которого застыла безобразная улыбка, растянутая от одной скулы к другой.

Так сон ушел вовсе. Проваливался в него ненадолго, просыпался в поту, а потом глаза в потолок лупил.

Мысли в голову лезли. Дед покоя ему и после смерти не давал, все в доме источало его зловоние, словно запертое в клетке гниющее нутро.

Петя ловил его незримое присутствие в предметах, звуках старого дома, а главное – внутри себя. Но заглядывая внутрь испытывал ли он досаду? – Нет. Было ли ему жалко? – Нет. Хотел бы он все изменить? – Никогда.

Покоя бы. Хотя ненадолго. Но увы, нет. Что-то вытравило его, продолжало душить, не давало ни на минуту остаться самим собой.

Одним утром, после проведенной практически бессонной ночи, с рассветом Петя поднялся с постели. Умывался, зубы чистил. Еще один выпал. Кровь в раковину закапала. Прополоскал рот, обтерся полотенцем. Посмотрел на себя в висящее над умывальником зеркало. С него глядел дед – жутко, пронзающе.

Не поверил. Тер глаза до цветных кругов, лицо трогал. Мельком взгляд бросал в порепанный зеркальный мир – дед щурился.

Зрение садилось, но все же настолько обманывать не могло. Состарился сильно, да так сильно, что все черты убитой суки в себя взял.

Прошел в зал, уселся в кресло перед выключенным телевизором. Там в отражении тоже смотрел на него дед. Измором его брал, изводил, выкручивал, не оставлял наедине, безмолвно продолжал травить своим ядом, всю злобу транслировал.

Стало мучительно больно. Все кажется уже понял, решение принял. Что это за жизнь такая – старость и мучения терпеть, одиночество? Чего ради страдать, ради кого просыпаться и к чему стремиться? К чему смиряться и для чего? Для кого изнурать себя, терпеть? Встал тихо, вышел во двор в чем был, дверь за собою закрыл.